

К ВОПРОСУ О РЕАЛЬНОЙ РОЛИ УРАЛЬСКОГО УЧУГА В ОСЕТРОВОМ ПРОМЫСЛЕ НА РУБЕЖЕ XIX И XX ВЕКОВ

Поднимается вопрос о реальной роли уральского учуга в осетровом промысле на рубеже XIX и XX веков. Показывается значительное снижение значимости уральского учуга в осетровом промысле по сравнению с серединой XIX века. Высказываются предположения о причинах сохранения уральского учуга вплоть до 1917 года.

Причина того, что до 1917 года проходные осетровые рыбы, шедшие на нерест в р. Урал, поднимались выше г. Уральска в незначительном количестве, усматривалась в существовавшем в окрестностях этого города знаменитом казачьем учуге как многими дореволюционными, так и ранними советскими источниками [10][14][17][24][25, л.л. 42, 86, 107]. В 1917 г. уральский учуг был уничтожен, но судя по сообщениям, поступавшим в 1926 году из волостей, лежащих между Оренбургом и Илеком, увеличения количества проходных осетровых в Урале выше устья Илека по сравнению с дореволюционным временем так и не произошло [25, л.л. 24, 24 об, 26, 26 об, 27].

Сохранился ответ Уральского губземуправления на посланный из Оренбургского губземуправления в 1925 году официальный запрос по поводу существования учуга на р. Урал [25, л. 17]. И это через пять лет после уже окончательного утверждения на бывшей территории Уральского казачьего войска советской власти, сразу отменившей казачью монополию на рыболовство и запретившей учуг! [4][10] Из Уральска поступает ответ, что учуг при советской власти никогда не устанавливался, к ответу приложены действовавшие в то время правила рыболовства в Уральской губернии [24, л.л. 17-21 об].

Исходя из того, что во время Гражданской войны и в начале 1920-х рыболовство на бывших водах Уральского войска находилось в упадке, одной из причин которого признавалось уменьшение числа рыболовов [9][10], и принимая во внимание тот факт, что учуг представлял собой дорогостоящее плотинopodobное сооружение, которое устанавливали после ледохода и разбирали перед ледоставом [14][16][20], считаем вполне возмож-

ным принять, что после 1917 года его не устанавливали – тем более противозаконно!

Пытаясь выяснить, действительно ли ликвидация учуга в окрестностях г. Уральска не возымела ожидаемого эффекта или упомянутые выше сообщения, шедшие от волостных властей в 1926 г., были не более чем очковитательством, призванным прикрыть теневой осетровый промысел, мы задались вопросом о реальной рыбозаградительной роли уральского учуга на рубеже XIX и XX веков.

Рассматривать уральский учуг можно только в рамках созданной уральскими казачами хозяйственно-политической системы использования рыбных ресурсов, неотъемлемой частью которой этот учуг являлся. До 1752 года казачья система использования рыбных ресурсов не распространялась на устье Урала и прилегающее побережье Каспия, эти воды находились во власти других пользователей (купцов Гурьевых), устанавливавших в дельте Урала в окрестностях г. Гурьева свой учуг [3][7][13]. С 1753 года казачья система полностью охватила нижнее течение р. Урал. Гурьевский учуг был уничтожен, на реке остался только один учуг – казачий в окрестностях г. Уральска [3][5][19][и др.]. Поскольку изначально система была ориентирована прежде всего на лов проходных осетровых, рубеж 1753 года считаем принципиальным.

В основе казачьей системы лежало выделение отдельных «рыболовств» – единиц годового промыслового цикла. Каждое такое «рыболовство» производилось в строго определенных местах и в строго определенных сроки. Используемые орудия лова, плавсредства, состав участников промысла и порядок их взаимоотношений строго регламентировались [5][6][12][15][и др.].

Учуг был включен в казачью систему как ограничитель высоты подъема осетровых рыб летнего и осеннего хода. Он должен был способствовать созданию условий богатого улова тех речных «рыболовств», которые производились ниже его по течению и были ориентированны именно этих на рыб. [8][12][17]. К сказанному необходимо прибавить, что, судя по данным целого ряда источников, начиная, по крайней мере, с первой половины XIX века практически весь рыбный промысел уральских казаков на р. Урал (и это касается не только осетрового промысла!) был сосредоточен ниже уральского учуга [2][5][и др.].

Механической основой учуга служили два либо три параллельных друг другу ряда вбитых в дно деревянных свай, выстроившиеся от одного берега Урала до другого. Соседние сваи в ряду и ближайшие сваи соседних рядов соединялись друг с другом в единый каркас при помощи деревянных горизонтальных элементов. Самый нижний по течению реки ряд свай подпирался бревенчатыми подпорками. Рыбозаградительную функцию выполняла решетка из вертикально стоящих шестов, изначально деревянных, позднее стальных. Эта вертикальная решетка монтировалась на самом верхнем по течению ряду свай и полностью перегораживала реку [5][16][20]. Расстояние между соседними шестами после 1889 года не превышало 4,5 см, ранее было порядка 13 см [5][16][17].

Там где устанавливался казачий учуг, и выше по течению река Урал является замерзающей – то есть на ней существуют осенний ледостав и весенний ледоход. Скорость течения и масса проходящего льда в окрестностях Уральска достаточно значительны, чтобы сделать весенний ледоход разрушительным природным явлением, против которого описанное выше деревянное сооружение свайного типа никак не могло устоять [18].

Уже одно это позволяет предполагать, что казачий учуг не оставлялся на зиму, а разбирался осенью и собирался весной после ледохода. Имеющиеся в нашем распоряжении источники подтверждают факты ежегодной сборки и разборки учуга и называют примерные сроки. Учуг ставили в самом

конце мая или первой половине июня и убрали с реки поздней осенью [12][16][20][и др.]. Приблизительность сроков монтажа и демонтажа, по-видимому, объясняется их обусловленностью временем ледохода и ледостава, которое колеблется год от года.

Очевидно, что в силу отсутствия на реке весной учуг не мог повлиять на миграцию осетровых рыб весеннего хода. Учуг также не мог повлиять на движение тех рыб летнего и осеннего хода, которые уже перезимовали и весной продолжили нерестовую миграцию вверх по реке. Поэтому реальную роль учуга в осетровом промысле мы предлагаем оценивать по сведениям о значимости речных «рыболовств», ориентированных на осетровых рыб летнего и осеннего хода. Как уже говорилось выше, учуг был создан для ограничения высоты нерестового хода именно этих рыб.

Сопоставление имеющихся описаний рыбопромыслового цикла Уральского войска приводит нас к заключению, что начиная не позднее чем с 1753 года и по крайней мере до середины XIX века основными речными «рыболовствами», ориентированными на осетровых рыб летнего и осеннего хода, были осенняя плавня и багренье [8][12][15][и др.].

Багренье, производившееся уральскими казаками, достаточно подробно описано во многих дореволюционных источниках. Это было подледное рыболовство, которым занимались в конце декабря и в начале января на местах зимовки осетровых рыб, вошедших в Урал предыдущим летом и осенью и готовящихся продолжить восходящую миграцию следующей весной. Казаки пользовались тем, что эти рыбы выбирали для зимовки самые глубокие места и скапливались там в огромном количестве [8][12][16]. Такие места облавливались в течение приблизительно 12 промысловых суток в порядке движения вниз по реке начиная с ближайших к Уральску зимовальных ям и заканчивая окрестностями Каленовского форпоста (порядка 200 км от Уральска). Ниже этого форпоста багренье не проводилось, там начиналось пространство его эквивалента на открытой воде – осенней плавни [12].

В основе багренья лежала его массовость. В середине XIX века на одну зимовальную яму одновременно выходили порядка шести тысяч рыболовов, по оценкам начала XX века это количество еще немного возросло (6-8 тыс. чел. [14]). Выйдя на лед плотным скоплением, люди в спешном порядке делали проруби, и каждый рыболов запускал в свою свежесделанную прорубь багор, длина которого варьировалась в зависимости от глубины места и могла превышать 10 метров. На скопление рыб, уже выходящих из оцепенения, обрушивался целый лес багров. Почувствовав момент касания багром рыбы (что требовало особого умения, передававшегося из поколения в поколение!), рыбак подцеплял ее и подтягивал к проруби, после чего в ход шел другой, короткий багор, предназначенный для извлечения рыбы из воды. Следует отметить, что багры запускали через очень небольшие проруби, пробитые наспех и достаточные по размеру только для багра. Их расширяли уже в процессе извлечения рыбы [12][16].

Осенняя плавня также достаточно освещена в дореволюционных источниках. По существу, это было траление залежей на зимовку рыбы, осуществлявшееся при помощи так называемой «ярыги» – трала специфической конструкции, зев которого был снабжен запирающим устройством. Одно такое орудие вели две лодки, на каждой из которых работало по 2-3 человека. Лов был организован таким образом, что на зимовальную яму практически одновременно входили десятки лодок [12][14][16].

Осенняя плавня проводилась на пространстве от Каленовского форпоста до моря. Выше по реке начиналось пространство багренья, которое, так же как осенняя плавня, было изначально ориентировано на осетровых рыб летнего и осеннего хода, залежавших на зимовку [2][12][16]. Такая изначальная экологическая общность объектов позволяет нам считать багренье и осеннюю плавню эквивалентами друг друга.

Судя по их описаниям, в середине XIX века и ранее багренье и осенняя плавня были достаточно добычливыми и имели для казаков высокое хозяйственное значение

[8][12][15]. Значимость багренья и осенней плавни на рубеже XIX и XX веков выглядит уже несколько иначе. Если, по П. Небольсину, «казаку надо родиться слишком уж под несчастной звездой», чтобы уйти с багренья без единой рыбы осетровых пород, то в труде «Россия» утверждается, что не многим удастся поймать на багренье хотя бы одну такую рыбу [12, с. 84][14]. Н.А. Бородин – ихтиолог, статистик и ведущий специалист своего времени по рыболовству уральских казаков [1][11] – оценивает отношение числа участников багренья, не поймавших за промысловые сутки ни одной осетровой рыбы, к числу их более удачливых коллег как девять к одному [2]. Авторы упомянутого выше источника 1903 года настаивают на том, что основным уловом во время этого «рыболовства» являются совсем другие рыбы, преимущественно судаки. Багренье вообще описывается скорее как спортивное рыболовство, чем промысловое! Хотя для большинства рыболовов улов едва окупает затраты или совсем не окупает их, на багренье идут как на праздник [14].

Осенняя плавня избежала превращения из промыслового рыболовства в спортивное, но главным образом за счет так называемой «черной рыбы», под которой уральскими казаками понималась вся рыба, не относящаяся к осетровым породам. Значительные уловы этих «неблагородных» рыб позволили осенней плавне сохранить на рубеже XIX и XX веков высокую промысловую значимость, но ее значение как осетрового промысла значительно снизилось [2][14].

Все сказанное выше об изменении хозяйственного значения багренья и осенней плавни, казалось бы, позволяет говорить даже об общем упадке осетрового промысла уральских казаков на рубеже XIX и XX веков вследствие кризиса популяций осетровых рыб Урала! Но, принимая во внимание сведения о других «рыболовствах» и данные статистики вывоза основных групп рыбопродуктов за пределы территории войска, мы считаем, что в то время до кризиса популяций осетровых рыб Урала было еще очень далеко. Уральское войско на рубеже XIX и XX продавало порядка тысячи тонн рыбы и ста тонн икры осетровых пород в год [14][16][21][22][23].

Вот на каком фоне речные «рыболовства», ориентированные на осетровых рыб летнего и осеннего хода, теряют свою прежнюю значимость в осетровом промысле! Вместе с ними и учуг теряет свое былое значение – тех осетровых рыб, которых он должен был останавливать на их восходящей миграции по Уралу, остается сравнительно немного. Тот факт, что учуг просуществовал вплоть до 1917 года, а не ушел в историю еще в последнее десятилетие XIX века или несколькими годами позже, мы рассматриваем как следствие двух возможных причин, о которых будет сказано ниже.

Утратив прежнее значение для осетрового рыболовства, учуг мог приобрести заградительную роль в промысле «черной рыбы», идущей из Каспийского моря на нерест вверх по Уралу. Судя по имеющимся сведениям о вывозе рыбы этих пород за пределы территории войска, экономическое значение промысла частиковых заметно возросло уже со второй половины 1840-х годов. Если в конце 1840-х за войсковую территорию ежегодно вывозилось порядка 10-12 тыс. тонн рыбы этих пород, то в начале 1890-х годов этот показатель достиг порядка 25-38 тыс. тонн в год [21][22].

Косвенным подтверждением использования уральского учуга для ограничения восходящей миграции проходных частиковых рыб может служить изменение его устройства, произошедшее в 1889 году. Если прежде просвет между шестами рыбозаградительной решетки учуга был порядка 13 см, то в 1889 году его уменьшили до приблизительно 4,5 см [17]. В отличие от прежней такая решетка могла остановить не только проходную осетровую рыбу, но и крупных особей проходных частиковых, например сазана.

Мы, однако, не настаиваем на том, что основной причиной продолжения ежегодной установки уральского учуга в то время, когда существенного значения для осетрового

промысла он уже не имел, явилось «перепрофилирование» этого сооружения в интересах промысла частиковых рыб. Хотя мы и располагаем сведениями о том, что количественные показатели ежегодного вывоза частиковых рыб за пределы территории Уральского войска имели явную тенденцию к нарастанию на протяжении всей второй половины XIX века [21], нам неизвестно, какая доля этого количества приходилась на проходных рыб.

Неизвестно и то, какова была доля тех групп проходных частиковых рыб, которые всегда использовали только нерестилища ниже г. Уральска и, следовательно, не могли быть задержаны казачьим учугом вне зависимости от его устройства. Оценка соотношения численности различных групп проходных рыб Урала на рубеже XIX и XX веков – это уже вопрос отдельного исследования.

Мы не имеем никаких доказательств того, что экономический эффект от учащения рыбозаградительной решетки уральского учуга мог окупить стоимость ежегодного монтажа, демонтажа и содержания этого сооружения.

Ежегодная установка уральского учуга в то время, когда его роль в осетровом промысле была уже значительно снижена, могла иметь и неэкономическую причину. По совокупности изученных нами источников можно заключить, что значение учуга для уральских казаков не ограничивалось его рыбохозяйственной функцией. Традиционная система использования рыбных ресурсов (а вместе с ней и учуг как ее неотъемлемая часть) имела очень высокое политическое значение. Причем не только для самих казаков! Достаточно сказать, что советская власть, тоже рассматривавшая учуг как символ казачьей монополии на реку Урал, запретила его, едва утвердившись на бывших казачьих землях [10]. Перефразируем Е. Евтушенко: «Учуг в России – больше, чем учуг».

Список использованной литературы:

1. Большая энциклопедия. Т.3. – Под ред. С.Н.Южакова, П.Н. Милюкова. – С-Пб, т-во Просвещение, 1901. – 794 с. – С. 552.
2. Бородин Н.А. Уральские казаки и их рыболовства. – С-Пб: издание Вестника казачьих войск, 1901. – 31 с.
3. Витевский В.Н. И.И.Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г., т.1. – Казань: типолитография В.М. Ключникова, 1897. – 201 с.
4. Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. Под ред. С.С. Хромова. М.: Советская энциклопедия, 1987. – 720 с. – с.622, 623-625.

5. Данилевский Н.Я. Исследования о состоянии рыболовства в России. Т.3. Описание уральского рыболовства. – С-Пб: тип. Безобразова и К^о, 1860. – 145 с.
6. Железнов И.И. Уральцы. Очерки быта уральских казаков. Полное собрание сочинений. Т.1. Издание 3 под ред. Н.А. Бородина. – С-Пб: т-во «Общественная польза», 1910. – 399 с.
7. Карпов А.Б. Уральцы. Ч.1. Яицкое войско (1550-1725). – Уральск: войсковая тип., 1911. – 904 с.
8. Левшин А. Исторический и статистический обзор Уральских казаков. – С-Пб: Главный штаб Его Императорского Величества, 1823. – 84 с.
9. Материалы по районированию Киргизской Республики. (Общая часть и описание округов). Т.1. Восточная и западная Киргизия. – Оренбург: Киргизское Госуд. Изд-во, 1924. – 145 с. – С.27.
10. Материалы по рыболовству на Урале. – Уральск: тип. ГОМХа, 1927. – 29с.
11. Москалева З.Н. Исследования бассейна Урала. – Уральск, Западно-Казахстанский отдел Геогр. об-ва СССР, 1957. – 74 с. – С.38, 39.
12. Небольсин П.И. Уральцы. – С-Пб: тип. Штаба отдельного корпуса внутренней стражи, 1855. – 127 с.
13. Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. Под ред. А.А.Новосельского, Н.В.Устюгова. М.: изд-во АН СССР, 1955. – 1032 с.
14. Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Т.18. Киргизский край. Под ред. В.П. Семенова-Тян-Шанского и под руководством П.П. Семенова-Тян-Шанского, В.И. Ламарского. – С-Пб: издание А.Ф. Девриена, 1903. – 478 с.
15. Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. Сочинение П.И.Рычкова 1762 г. – Оренбург: тип. Б. Бреслина, 1887. – 404 с.
16. Хорошхин И.П. Краткое описание рыболовств Уральского Казачьего войска. – С-Пб: типолитография К.Л. Пентковского, 1902. – 29 с.
17. Хохлов И.С. География Оренбургской губернии в физическом, этнографическом и административном отношениях. – Оренбург: 1896. – 139 с.
18. Чибилев А.А. Река Урал. – Л.: Гидрометиздат, 1987. – 168 с. – с.32,34.
19. Энциклопедический словарь, Т.9а. – С-Пб.: типолитография И.А.Ефрона, 1893. – 974с. – с.918-919.
20. Энциклопедический словарь, Т.35. С-Пб.: типография АО «Брокгауз-Ефрон», 1902. – 476 с. Статья «Учуг», автор – Н.А.Бородин. – С.122-123.

Фонды библиотеки Оренбургского областного краеведческого музея.

21. Всеподданнейший отчет наказного атамана о состоянии Уральского Казачьего войска за 1896 г. По гражданской части. – Ведомость №9.
22. Всеподданнейший отчет наказного атамана о состоянии Уральского Казачьего войска за 1897 г. По гражданской части. – Ведомость №8.
23. Всеподданнейший отчет наказного атамана о состоянии Уральского Казачьего войска за 1900 г. По гражданской части. – Ведомость №10.

Фонды Государственного Архива Оренбургской Области.

24. Фонд 10, оп.2, ед. хр. 50, л. 135.
25. Фонд Р-261, оп. 1, ед. хр. 1436, л.л. 17-21, 24, 24об, 26, 26 об, 27, 42, 86, 107.

Статья рекомендована к публикации 19.06.06

**Автор выражает искреннюю признательность библиотекарю
Оренбургского областного краеведческого музея Выставкиной Наталии Михайловне
за неоценимую помощь в поиске первоисточников**